

The background of the book cover is a photograph of a city street at night. The street is wet and reflects the lights from buildings and street lamps. On the right side, there is a multi-story brick building with several windows, some of which are lit. The sky is dark and overcast. A white rectangular box is overlaid on the left side of the image, containing the text.

Артёмов Вова

Войнушка

Рассказ

16+

Вова К. Артёмов

Войнушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40532213

SelfPub; 2019

Аннотация

Война начинается с момента нашего появления на этот свет. Мы воюем за право первого вдоха, за место в социуме, за религию и прочие атрибуты жизни. Дети сражаются деревянными саблями, взрослые – межконтинентальными боеголовками. Стоит ли оно того чтобы жить?

Тридцать лет я не был в этом дворе. Тридцать долгих оборотов Земли вокруг Солнца.

Многое изменилось в родной стране за это время. Поменялся и я. Но двор остался почти таким же, каким он был, когда я в последний раз его видел. Панельная девятиэтажка, детский садик, втиснутый меж ними дворик поросший деревьями, детская площадка, старая неработающая телефонная будка на углу дома, трамвайная остановка и петляющие рельсы вдоль домов.

За садиком стояли ещё несколько таких же панелек. Разительным отличием современности от прошлого было огромное количество машин, облепивших каждый метр дворовой территории, и отсутствие бессменного караула бабушек у подъезда на лавочках.

Окна первого этажа... Там жила Ленка. Моя первая любовь. Непоседливая девчушка с нимбом золотистых волос и глазами цвета неба. Её я спасал от местной своры собак. За неё я дрался с Исполкомовскими пацанами. Она прикладывала подорожник к моим разбитым коленкам, когда я упал с велосипеда. Она с сестрой хвостом ходила за нашей компанией. Она плакала, когда я стрельнул в неё из рогатки, чтобы доказать пацанам что она мне не нравится. И она же пожалела Ромку и ушла с ним после очередной войнушки.

На втором этаже когда-то жил Губарев Лёшка, который вечно таскал свою сестру за собой, чтобы с ней ничего не

случилось. Всем нам тогда было лет по восемь. А Катьке всего пять. Сейчас они живут где-то на Дальнем Востоке, на родине своего отца.

Я нес за пазухой настоящее сокровище, и сердце моё бешено колотилось. Прежде всего, колотилось оно потому, что если отец обнаружит пропажу, мне не избежать сурового выговора, который он мог устроить. А это было гораздо серьезнее, чем получить ремнём по жопе.

Но ещё сильнее оно колотилось от радостной уверенности в нашей сегодняшней победе над пацанами из соседского двора. И это значило гораздо больше, чем просто популять по воробьям.

Я пробрался в наш тайный штаб, скрытый от посторонних глаз клёнами, тополями и густым кустарником. Вся наша «гвардия» была уже здесь, не хватало только командира. Стасян почему то опаздывал, хотя обычно он приходил первым. Тут же, кучей, были свалены старые радиоприёмники, раздолбанный чёрно-белый телевизор «Рекорд» и магнитофон «Легенда». Здесь же валялись какие-то ящики с радиоаппаратурой. Все эти сокровища мы собирали на местных гаражных пустырях и в старых заброшенных бараках-засыпушках в Копсово и Дарьино.

Рядом с раскуроченной и выпотрошенной техникой были аккуратно сложены всевозможные провода и проволока.

– Ну как? Принёс? – с надеждой в голосе спросил Пашка.

Словно Данко из одноименного рассказа я вытащил из-за пазухи... Нет, не сердце. Но нечто, столь же ценное для всех нас в те детские годы.

Пассатижи, с обмотанными синей изоляцией ручками. Лёшка радостно выхватил из моих рук инструмент и принялся его любовно рассматривать. Сжал, разжал.

– Туговаты! – вскинул бровь он.

– Зато на них есть кусачки. – ткнув пальцем в проймы для резки проводов заметил Ромка. Потом мечтательно сказал. – Боеприпасов сделаем кучу и зададим этим Исполкомовским!

Послышался шорох в кустах, и на полянке показался Стас. Его довольная физиономия уставилась на меня.

– Бери велик, и помчали на Завод! Только что проехал поезд с карбидом.

С восьмого этажа, где жил Стасян, железнодорожную ветку было видно как на ладони. Периодически по ней проходил мотовоз, тянущий добрый десяток вагонов гружёных карбидом на «Красное Сормово». Завод был режимным, но мы знали несколько лазеек, где можно было беспрепятственно пробраться на территорию.

– Лешка с Павликом пусть делают пульки, а остальные собирают пузырьки.

Илья с Ромкой недоумённо переглянулись.

– У аптеки за кинотеатром ничего не осталось.

– Я видела несколько штук у гаражей. – сказала Лена.

– Ищите, а мы с Вовчиком за карбидом поедem. – скомандовал Стас.

Я не спеша шёл вдоль дома.

Вот и соседний подъезд, в котором на шестом этаже жил Илюха Саечкин. Круглый как арбуз пироман. Он вечно мастерил какие-то бомбочки, пшикалки, дымовухи и знал целую кучу всевозможных кунштюков. Его родители после работы увлечённо занимались настольным теннисом в Доме Пионеров, поэтому гуттаперчевых шариков для изготовления вонючих и дымящихся приколов у него было хоть отбавляй.

Мне сказали, что его мать с отцом развелись, и он с матерью уехал к родным в Калининград. Отец долго пил и в конце девяностых умер от цирроза.

Я хорошо помню вредную старуху с таким же вредным и злобным пекинесом с выпуклыми глазами, что жила в Илюхином подъезде, и вечно сидела на лавочке. Но так как окна Илюхи выходили на другую сторону дома, мы выкрикивали его гулять с квадратной аллейки снаружи, вместо того чтобы попадаться на глаза лупоглазому привратнику.

В соседях у него жил одинокий дядька. Я даже не помню его имя. Редкостный пьяница и дебошир, сухой как щепка с остроносым лицом похожим на крыску, мужик. Однажды у нас на глазах он додумался поспорить с собутыльниками на выпивку, что перекинет камень через нашу девятиэтажку.

Словно сейчас помню, как мы всей гурьбой побежали с его дружкой за дом, посмотреть, прилетит камень или нет.

В тот раз мужик действительно выиграл спор. После чего вся компания обмывала сей подвиг «на клювике» у торца нашей панельки. Потом он проделывал это неоднократно. Но всему есть предел. Этот предел наступил и для незадачливого героя двора. В очередной раз, ударив по рукам с каким-то гостем из соседней свечки, все пошли смотреть, что из этого выйдет. Наша компания детворы, уверенная в победе лихого хлопца, осталась на детской площадке поддержать своего кумира.

И вот, момент истины настал. Нетвёрдой походкой он берёт разбег по песку, коим был усыпан пяточок с качелями, горкой и ракетой. Всё его тщедушное тело напрягается подобно струне, он оттягивает руку как тетиву лука, и... происходит казус, которого ни он, не мы ни ожидаем. Громкий треск его пятой точки разрывает атмосферу, мужик осекается и запускает камень, который летит по явно заниженной траектории. В следующий момент раздаётся звон битого стекла и с окна восьмого этажа, блестя на солнце, сыплются осколки.

– Бежим! – радостно улыбаясь, скомандовал он нам.

Дважды ему повторять не пришлось. Нас словно ветром сдуло и спустя пару минут мы все отсиживались в своём штабе среди тополей и клёнов.

Я до сих пор пытаюсь представить себе лицо хозяина

квартиры, который обнаружил разбитое окно на восьмом этаже, и камень которым это было сделано... Пытаюсь, но у меня не получается!

Здесь же, на четвёртом этаже жила Светка, смуглая как цыганка черноволосая большеглазка. Она приходилась какой-то родственницей Голубеву Сашке, потому и оказалась в нашей компашке. В неё до беспамятства был влюблён Илюха, который день-деньской ходил за ней и оберегал её как хрустальную вазу.

Про Светланину жизнь мне удалось узнать немного – лишь отрывочные воспоминания и домыслы старожилов дома. Одни авторитетно заявляли, что её семья в девяностых иммигрировала к родным в Израиль, другие клятвенно заверяли, будто с ними расправились чечены из-за косяков её отца, который был начальником одного из цехов на заводе «Буревестник». Якобы он не согласился продавать стволы от «Шилок» для республики Ичкерия. Текста много, но толку мало – люди были, и вдруг их не стало.

Проехав вдоль бетонного забора до пышной акации, мы спрятали велосипеды в растительность, и с невинными лицами двинулись к тайной лазейке. Неподалёку от железнодорожного въезда в завод была маленькая щель под забором, скрытая кустарником. Она едва позволяла пролезть ребёнку, чем мы неизменно пользовались. Оказавшись внутри, мы ловко проскакали по путям и направились к уже разгружен-

ным вагонам. Вывернув полы маек наизнанку и плотно завязав их подмышками, чтобы получилось подобие кармана на животе, мы ловко сгребли остатки карбида с хопперов. Сделав своё грязное дело, как ни в чём не бывало, отправились в обратный путь. Не дойдя до кустов метров двадцать, Стасик вдруг резко обернулся и тут же скомандовал:

– Дёру! Нас засекли!

За спиной послышался громкий окрик на великом и могучем. Я рванул что есть мочи к кустам, стараясь не растерять драгоценные трофеи, и со всего маху нырнул в узкую брешь под бетонкой. Содрав локти и колени, но не проронив ни кусочка, я, словно пробка из-под шампанского, вылетел с обратной стороны и ринулся к великам. Следом за мной выскочил Стас. Мы оседлали своих железных коней и закрутили педали в сторону дома.

– Классно! – довольно улыбнулся Илья, когда мы вернулись с полными закромами волшебного камня. – Здесь много горячего. Нам хватит надолго!

– Только вот фанфиков мало набрали. – расстроено произнесла Нина. – Всего тринадцать штук.

Мы со Сасяном подошли к Пашке который сосредоточенно гнул проволочных «галчат», и обнаружили приличную кучку пулек рядом с ним.

– У меня на всякий случай с собой ещё горошница есть. Правда на ней напальчник скоро порвётся. – заговорщицким тоном сказал Лёша, распутывая очередной проволочный ко-

МОК.

– Если Исполкомовские придут с горошницами, то и я свою возьму. – задумчиво ответил я.

– Пусть только попробуют! – воинственно сказала Нинка. – На моей – двойной напальчник. Камушком бутылку из-под пива вдребезги разбивает. Вот и посмотрим кто сильнеей!

Закурив сигарету, я присел на скамейку у третьего подъезда.

Напротив него росли такие знакомые и родные развесистые клёны с тополями, окружённые густыми зарослями кустов. Здесь был наш лагерь, Тайный штаб. Впрочем, весь двор был похож на маленький лесок, в котором лишь асфальтированная дорога вдоль дома не была покрыта зелёными насаждениями. И везде, где только можно, мы находили себе укрытия, протоптав извилистыми тропками все местные сирени, гортензии и шиповник.

Тут на третьем этаже жила Нина со своей матерью, и двумя братьями. Их отец постоянно мотал сроки, и видел я его всего два раза. Первый раз, когда он только откинулся, и второй раз, через месяц, когда за ним приехал милицейский козелок. Его, в усмерть пьяного, под руки загружали в уазик, а он не мог пошевелить даже пальцем. Сама Нинка больше походила на пацана, чем на девчонку.

Она лазила с нами по деревьям и стройкам, каталась на трамвайной колбасе, мастерила рогатки и дралась с Испол-

комовскими мальчишками. Если остальные три девочки из нашей стаи были словно незабудки, то она больше напоминала колючий кактус. После того как закрыли её отца, спустя год оба брата тоже заехали в лагеря по сто шестьдесят второй. Где сейчас Нинкина семья и она сама, я узнать так и не смог. Вместе с ней, Павликом Ефимовым и Голубевым Сашкой мы ходили в одну группу в детском саду.

На четвёртом этаже, дверь в дверь жили Паша и Санька. Их родители работали на «Красном Сормове», и они дружили, что называется семьями. Павлуха женился на дочке какого-то прокурора, управляет собственным бизнесом и сейчас живёт на Белинке. Сашок же, повзрослев, начал колотиться. Родные долго с ним мучились, возили по врачам, клали в клиники, закрывали дома, но ничего не помогало. В конце нулевых он попытался соскочить. Накупив целые карманы новомодных спайсов, он закрылся дома и его нашли спустя неделю, когда мимо квартиры стало невозможно ходить от невыносимого запаха трупного разложения.

Выбросив окурки, я поднялся с лавочки и неторопливо пошёл дальше. В голове крутились воспоминания нашего знакомства в садике.

Мне кажется, в каждом детском саду советской эпохи все игрушки были примерно одинаковые – металлические грузовики, в кузове которых можно было кататься, гуттаперчевые куклы-неваляшки, огромные деревянные кубики, больше похожие на кирпичи, из которых строили целые крепо-

сти, гудящая железная юла. Павлик с Сашкой знали друг друга с пелёнок, и вечно дрались за право обладания той или иной вещью. В первый день моего появления в группе, я решил разнять двух непримиримых друзей. За что получил деревянными кирпичами от обоих. Стоило мне возникнуть на горизонте, как эта парочка, забыв о разногласиях, объединила усилия, наваляв мне хороших трюндюлей.

Детство. Такое далёкое, наивное и почти нереальное.

Была вторая половина дня, светило яркое солнышко. Все приготовления к предстоящей битве были окончены. Пульки разложены на две неравные кучки – в той, что больше – из тонкой проволоки, и из толстого медного провода – поменьше. Фанфики наполнены водой и набиты травой, чтобы карбид не сразу начинал работать. Камешки этого волшебного материала равными порциями распределены между всеми.

Мы ждали. Лишь наш малолетний «Кутузов» нервно ходил взад-вперёд по вытопанной луговинке штаба. Вдруг слышался звонкий голос:

– Ефремовские!!! Выходите!

– Сашок, Илюша, Нина и Мишка. Бегите к четвёртому подъезду и ждите моего сигнала. – скомандовал Стасик. – Остальные со мной.

Все набили карманы «галчатами», взяли по фанфику и кусочку карбида. Илюше с Сашкой досталось по два, так как им предстояло сидеть в засаде. Ребята пошуршали по изви-

листой тропинке меж ветвей сирени в указанную сторону. Ленка, Света и Катюшка, как называл их Стас «медсёстры», спрятались в неприметном уголке луговинки за толстым стволом искривлённого тополя. Нас осталось семеро. Как в фильме «Семь самураев». Продираясь сквозь густые заросли, мы вышли на асфальтированную дорожку, ведущую вдоль детсадовского забора из рабицы во двор дома по улице Исполкома. Навстречу нам двигалась ватага таких же щеголов, как мы – в царапинах, синяках и ссадинах. Каждый держал в руке по рогатке, как символ безграничного величия.

– Вас сегодня мало! – надменно произнёс Витёк, командир соседской шайки. – Где Нинка с Илюшей. Семеро на четырнадцать не справедливо!

– И Сашки с Михой нету. – добавил Серёга. – Один Мишка есть, а второго нету. Куда спрятали?

– Куда надо! – в тон Витке, ответил Стас. – Сегодня дерёмся у нас, так что чё хотим, то и делаем.

– Они засаду решили устроить! – послышался голос из кучки Исполкомовских. – Хитрый Стасик.

– Нас одиннадцать. – проигнорировав выпад в свой адрес сказал Стас. – Нашим троим по две жизни!

– Выбирай. – поигрывая рогаткой произнёс Витя.

– Мне, Вовке и Ромику.

– Все запомнили? – обернулся к своим Витёк. И тут же обратился к нам. – Горошницами не стреляем. Мне Нинка в прошлый раз из своей базуки чуть глаз не выбила!

– До первой крови!

– До первой крови! Считаем до двадцати!

Битва началась.

Услышав отсчёт, мы опрометью бросились врассыпную, каждый на заранее условленное место. Я достал свою рогатку, которую только на днях переделал. Нашёл дома пару перчаток из плотной полупрозрачной резины, которые были на вес золота среди дворовой шпаны, и приладил мощный жгут к невинной на первый взгляд загогулине из сталистой проволоки. Обычно такие жгуты ставили на камнёмётки, так как они были прочными и эластичными. На это сокровище из резины можно было выменять большую коллекцию вкладышей, или кучу разукрашенных, редких пробок. Фистихи, Слоны, Жабы.

Грохнул первый фанфурик с карбидом. Где-то рядом с тополею осыпались листья.

Можно смешать бензин с отработкой или олифой и получить напалм. Можно пропитать калиевой селитрой бумагу и сделать дымовую ракету. Можно растолочь в пыль ржавчину с марганцовокислым калием и добавить их в серебрянку. Можно сточить напильником «Запоровский» блок, для того чтобы блестящую массу магниево-алюминиевой пудры разбодяжить мукой из марганцовки. Всё это не столь очевидно, когда под рукой есть кучка карбидных камушков.

Стас жил в четвёртом подъезде, на восьмом этаже... Он

всё знал про карбид, про серебрянку и марганцовку... Про «дихлофоски», «подпрыги», «пшикалки», «вставки»... Удивительный Стасян! Сын монгола и славянки. В его крови кипела война. Даже в малолетнем возрасте он умудрялся сойти за генерала. Его отец был капразом и этим всё говорилось. Слишком капитан, слишком командир, слишком масштабен для Сормовской детворы... Стас получил грамотное военное образование и со временем умчался искать счастье в Москву. Какая война кипит в его крови, и кипит ли она вообще – известно только Создателю.

Часто друзья становятся врагами, гораздо реже враги – друзьями. Пустячный спор превратил нас из незнакомцев в непримиримых противников – мы подрались в гаражном массиве, что тянулся вдоль железнодорожной линии за право обладания стареньким аккумулятором. Это сокровище в те годы было редкостью, высоко ценясь среди пацанов – трубки для «пшикалок» и «поджигов» заливались свинцом, самодельные свинцовые плашки для одноимённой игры были под стать царским именованным печаткам.

После драки мы пару месяцев ходили друг мимо друга, гордо задрав носы, выжидая момента поквитаться. Но спустя время там же, в массиве, когда мы с соседским мальчишкой скакали по крышам, я провалился в один из гаражей. Мой товарищ технично сделал ноги, оставив меня в гордом одиночестве созерцать небеса сквозь проделанное отверстие в кровле. В те адские для себя минуты я желал лишь одно-

го – провалиться ещё глубже, поближе к ядру планеты. После тщетных попыток докричаться до своего друга, я пришипился как мышь, прислушиваясь к каждому шороху снаружи и бешеному стуку сердца в груди. Неожиданно в импровизированном окне появилась довольная физиономия Стаса. Несколько секунд мы недоверчиво глядели друг на дружку, после чего он скрылся из виду. Я окончательно пал духом. На улице послышались бодрые голоса, шлёпанья ног по крыше. И снова Стасьяновская голова в проёме.

– Есть какая-нибудь верёвка?

Словно зачарованный я глупо осматривался по сторонам, не понимая, чего от меня требуют.

– Не ссы ты! Сейчас сюда кто-нибудь придёт и нам хорошенько влетит!

Его слова подействовали на меня отрезвляюще, заставив искать хоть что-то напоминающее верёвку. Пара истёртых до корда покрышек, оконная рама с облупившейся краской, несколько металлических ящиков под стеклотару, обильно порыжевший холодильник «Свяга», пыльная куча старого тряпья в углу. Среди немногочисленных предметов в пустом помещении нашёлся короткий трос и метровые куски медного провода.

Через полчаса я был уже на свободе, спешно улепётывая с «места преступления» вместе со своими нежданнами «подельниками». Только когда опасность окончательно миновала, всё моё тело заныло от боли – синяки и ссадины ожесто-

чѐнно напомнили о недавнем приключении.

Так мы познакомились. Я, Стас и Ромка.

Шумная войнушка с воплями, улюлюканьями, перебранками и руганью была в самом разгаре. Больше половины «войск» с обеих сторон уже мирно посиживала на детской площадке, выбыв из боя. Остальные продолжали оголтело носиться по двору. «Галчата» заканчивались, ряды противников редели. Илюше с Мишкой досталось больше всех – около одного хлопнул фанфурик, обрызгав осколками стекла, второго безжалостно расстреляли сразу четверо негодяев.

Трое на трое. Хаотичное метание в порослях кустов, перебежки от подъезда к подъезду, засады. Очень условное соблюдение правила «До первой крови» – после пары забегов сквозь шиповник становилось неясно, где первая, а где вторая. В сумасшедшем детском азарте все мы бежали сломя голову, кубарем падали, поднимались, и мчались дальше, ни мало не заботясь о правилах. Лишь загоня жертву в угол, не давая шанс ускользнуть, мы добивались безоговорочной капитуляции.

Исполкомовских осталось двое. Спустя пару минут выбыл Стас, прихватив с собою метким выстрелом Витька. Размена ферзями, как говорят шахматисты.

Охота началась! Мы с Ромкой, уверенные в скорой победе, уже не осторожничая, выслеживаем последнего врага.

Шуршание кустов – совсем рядом, меж ветвей мелькает фигура. Опрометью бросившись следом, я ныряю в растительность, надеясь перехватить незадачливого героя. Суматошное мелькание листвы перед глазами, хлёсткие удары ветвей и вдруг я вываливаюсь на асфальт перед вторым подъездом аккурат меж Ромиком и несчастным Гришкой, у которого в глазах читается выражение забитого пса. Немая сцена длится кратчайший миг. Я вскидываю рогатку с заряженным «галчонком», целясь в жертву, ... но неожиданно очень больно получаю сзади хороший заряд из толстой проволоки по шее. Гриша не растерявшись, стреляет в ответ и словно заправский художник чётким росчерком пера оканчивает сегодняшнюю батальную сцену в свою пользу. Ромик побит точным выстрелом в грудь.

Радостные выкрики Исполкомовских звучным эхом гуляли по двору. Мы уныло плелись к остальным. В душе у меня зрела обида, горькая, густая и липкая как смола. Ромка лишь невнятно бормотал оправдания о кривизне полёта пульки, моего неудачного появления в самый неподходящий момент, упрямом ветре, прочей чепухе. Я молчал, но чувствовал накатывающую злость. Злость на себя, на него, на ветер, на весь дурацкий мир. Но молчал, держался. Переваживал, кипел...

Подойдя к ребятам, я не выдержал:

– По своим бьют только предатели!

Мои слова словно пощёчина – не столько больно, сколь-

ко обидно. Ромик удивлённо оглянулся на окруживших нас друзей, ища в их глазах поддержку.

– Ты сам выскочил не вовремя! – встал он в позу, когда понял, что не дожждётся ожидаемого сочувствия. Все неловко отводили глаза.

– У тебя все виноваты! – меня понесло. Вся лавина гнева, kloкочущая в груди, обрушилась на него. – Кривые пульки, ветер, друзья!!! Всё не вовремя! Всё некстати! Дурак криво-рукий!!! Предатель!

– Сам такой!!! – покраснев, крикнул он. – Дятел комнатный!!!

– Мальчишки... хватит ругаться... – почти плача встала между нами Лена. – В следующий раз победите этих жуликов. Вы же друзья!

Но я уже разошёлся вовсю, ору ругательства и оскорбления. Ромка, не отступаясь, вторит мне такие же обидные слова. Всё бы ничего, но я вдруг замечаю, что все потихоньку становятся на защиту Ромы, пытаюсь урезонить меня и отвести в сторону. Лица уныло вытягиваются, недовольно упрекают в несправедливости...

Продолжая бушевать, я нервно тереблю в кармане последний «галчонок»... увесистый, бронебойный...

– Предатель!!! – вскрикиваю я и в порыве злости растягиваю рогатку. Мигом позже медный снаряд уже летит в Ромкину сторону. Он взвивается от боли, и я вижу на его лице под правым глазом красные брызги вместо слёз.

– Дурак! – кричит мне Лена. Илюша выталкивает меня из круга. Грубо, не церемонясь.

– Сам ты – предатель! Вали отсюда!

Неожиданный поворот событий ставит меня в тупик. Я не понимаю происходящего. Вижу лишь спины близких мне людей – все отворачиваются и не спеша уходят. Ленка заботливо прижимает подорожник к Ромкиной щеке.

Целую неделю я не показывался из дома, пребывая в гордом заточении страдальца за истину, наивно ожидая раскаяния друзей.

Но я так и не узнал, чем окончилась вся эта история. Тот день был последним, когда я видел ребят. В конце недели мы переехали на новую квартиру, в пригороде, которую отец получил спустя несколько лет очереди на жилплощадь. Родители не говорили до последнего про грядущее событие, видимо, боясь спугнуть заветное счастье лишними словами. До того мы вдвядтером бытовались в двухкомнатной квартирке. Бабушка, тётка с сыном, дядька, отец, мать, брат, сестра и я.

Уже привычные глазу домофоны преграждают путь каждому незнакомцу в каждом подъезде почти каждого дома. Ещё недавно это чудо техники было в диковинку, во времена же нашего детства о таких вещах вовсе не мыслили. Стоя около высокотехнологичного привратника, я ждал, когда кто-нибудь выйдет из парадной, так как совершенно не помнил номер квартиры. Был будний день, поэтому празд-

но-гуляющих граждан встречалось мало. Пока я пытался сосчитать по расположению квартир в подъезде нужную мне, подошла миловидная девушка и невинно улыбнувшись, открыла дверь.

– Смело набирайте сто шестидесятую, не ошибётесь! – усмехнулась она и проскользнула внутрь подъезда.

Отметив про себя, что современный мир плодит очень странных людей, я проследовал за ней. Лифт оказался на первом этаже.

– Не бойтесь, я не кусаюсь! – сказала она, когда мы оказались внутри. – Вам четвёртый?

– Нет... Шестой. – Соврал я, смущённый её словоохотливостью и подозрительной прозорливостью.

Металлическая коробка дёрнулась и медленно поползла вверх. Девушка пристально смотрела на меня с едва уловимым лукавством. Озорные искорки так и блестели в её глазах. Я сконфузился ещё сильнее. Лифт остановился и на четвёртом этаже она вышла. Поднявшись выше я закурил и немного постоял на лестничной клетке собираясь с духом – нелепая ситуация с незнакомкой выбила меня из колеи. Девчонка явно знала меня, равно как и то к кому я пришёл. И это притом, что не бывал здесь тридцать лет. Вертя сигарету в пальцах, я мучительно пытался вспомнить странную особу, но в голову лезла всякая чепуха.

Бросив тщетные попытки воскресить прошлое, я спустился на четвёртый этаж и в нерешительности замер перед две-

рю с номерком «160». Кнопка звонка осталась прежней, дверь сменили. Кто те люди, что откроют эту дверь? Что я узнаю о прежних жильцах, если здесь уже живут посторонние?

Не по годам старая, похожая на пирамиду бабушка, почти всегда сама открывала дверь, невзирая на то, что еле ходила. Видимо, тем самым пыталась скрывать свою беспомощность и быть хоть чуть-чуть полезной. Тётя Валя, мать Ромика, прозрачная как тень женщина, работала на трёх работах, и очень редко бывала дома. Её неестественная худоба, бледность и тусклый взгляд создавали облик молодой старушки.

Собравшись с духом, я позвонил. Спустя несколько секунд защёлкал замок, дверь открылась и на пороге показалась давешняя знакомая в домашнем халате.

– Привет, Вовчик. – Улыбнулась она. – Долго ты соображал!

– Здравствуйте... – тупо буркнул я. – Роман Исаев... здесь проживает?.. В смысле,.. он дома?.. – запинаясь промямлил я. Вся ситуация стала напоминать театр абсурда. – Мы знакомы?..

– Проходи, не стой столбом! – откровенно смеясь, сказала девушка. – Ромка, он со мной разговаривать не хочет, зовёт тебя! – прикрикнула она вглубь квартиры. Послышалось шлёпанье тапочек, и в прихожую вошёл Рома. Повзрослевший, погрузневший, румяный как каравай детина с суровым выражением лица. Некогда худощавый шалопай, возмужав,

вырос во взрослого дядьку, но всё же, был так похож на того Ромку, из детства.

– Здорово! – протянул руку он.

– Привет!.. – поздоровался я. Наступила неловкая пауза. Мельком глянув на него, я увидел под глазом небольшой шрамик от «галчонка» и тут же отвёл взгляд. Много воды утекло с тех пор, и на фоне взрослых проблем и неурядиц та ситуация казалась пустячной, но почему-то мне было очень неловко именно за тот, последний день...

– Не ожидали тебя встретить. Вот так сюрприз! – добродушно улыбнулся Рома, и вся его суровость вмиг испарилась.

– Со мной соизволишь поздороваться, или так и будешь шарахаться как чёрт от ладана? – очень серьёзно спросила девушка. – Не узнал?

Я лишь тупо уставился на неё. Попытки достучаться до памяти логическим путём – перебирая в голове всех знакомых, соседей, детсадовских «однопольчан», ни к чему не привели. Я сдался. Неразрешимость дилеммы, видимо, отразилась на моём постном лице.

– Во мужики!.. – всплеснув руками, сказала она. Потом добавила. – Лена! Рада познакомиться!

До меня с треском дошло. Видимо физиономия у меня была ещё та, потому что оба добродушно расхохотались. Мы обнялись.

Конечно, она сильно изменилась – и дело вовсе не в при-

чёске или цвете волос. Скорее некая внутренняя перемена из скромной ромашки в цветущую розу, хоть и с шипами, произошла с ней. Детская невинность обернулась лёгкой дерзостью, уверенностью, исходящей откуда-то из глубины. Выглядела Ленка моложе своих лет – её легко можно было принять за вчерашнюю студентку, худенькую, глазастую, с лукавой улыбкой.

Меня пригласили в кухню, и за чаем мы принялись пересказывать свои истории жизни, вспоминая яркие моменты в мельчайших подробностях, говорить о друзьях из нашего двора и о том кто кем стал или не стал. Время летело незаметно, разговоры лились словно полноводная река – я чувствовал себя свободно с этими людьми, будто мы расстались только вчера. Было видно, что ребята до сих пор любят друг друга, ценят и невзирая ни на что берегут это чувство. Чутко, без заскорузлых «кисонек», «заинек», «лапочек» и прочих пошлых эпитетов живут крепкой семьёй. Впервые за долгое время я искренне, в полную грудь смеялся, позабыв про свои невзгоды. От души радовался не за себя, или чужие неудачи, а за других, за их счастье, такое тихое, земное и очень обыкновенное. Когда наступил вечер, и мне пришла пора уходить, я выносил из этого гнезда тёплое чувство надежды и твёрдой веры в человечество.

Можно сколько угодно философствовать на тему процесса самоуничтожения цивилизации плодами и орудиями самой цивилизации, подсчитывать невинно убиенных, оцени-

вать кошельки власть имущих – но всё это пыль на фоне простого, даже элементарного чувства, имя которому – любовь. Именно она способна противостоять войне – дворовой ли, с рогатками и самострелами, локальной ли, с пулемётами и гранатами, или глобальной со всеми запасами ядерной мощи. Если свалить всё накопленное оружие мира, все танки, эсминцы, ударные вертолёты, атомные бомбы, всю ненависть, гордыню, тщеславие на одну чашу весов и на противоположную положить маленькое зёрнышко любви, то это зёрнышко стократно перевесит.

Только потому, что зёрнышко всегда даёт всход, если его лелеять, а не топтать.